
КРИЗИС XII в. ДО Н. Э.: ЭТНИЧЕСКИЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ДЕПОПУЛЯЦИЯ

А. В. КОСЯН

При изучении любой частной проблемы исторического характера историку следует выяснить прежде всего основные тенденции развития обществ в ту или иную эпоху. При этом необходим обстоятельный анализ всех аналогичных явлений, по мере возможности с большим географическим охватом. Как показывает практика, применение метода исторической аналогии оправдано в основном при ахроничном, но не диахроничном подборе исторических явлений разных историко-культурных общностей. Сказанное в полной мере относится прежде всего к переходным историческим периодам, которые, как правило, скудно освещены первоисточниками, и специалистам необходимо прибегнуть к помощи аналогий. Одной из таких труднореконструируемых эпох является довольно продолжительный исторический отрезок времени, который охватывает XII—XI вв. до н. э. На протяжении указанных столетий на всем Ближнем Востоке и в бассейне Восточного Средиземноморья произошли глобальные перемены в политической, социально-экономической и культурной жизни обществ. По истечении этого переходного периода общества приобрели совершенно новый облик. Необходимо отметить, что развитие древних обществ Армянского нагорья, исходя из научных данных, проходило в русле, характерном для других историко-культурных регионов. Цель нашей статьи—представить одно из наиболее характерных явлений изучаемого периода, а именно—этнические передвижения, в частности, проблему степени влияния миграций на жизнедеятельность обществ конца эпохи поздней бронзы. Необходимо вспомнить, что именно в указанный период на значительной части Армянского нагорья имели место различные миграционные волны (мушки, урумейцы, каски, иранские племена и др.), и выяснение характерных особенностей этих передвижений во многом будет способствовать исследованию вопросов политической и этнической истории региона.

На заключительной стадии эпохи поздней бронзы (конец XIII в. до н. э.) общества древнего Ближнего Востока и Эгеиды пережили продолжительный период всеобъемлющего кризиса, в процессе которого повсеместно наблюдаются характерные для всего упомянутого широкого ареала явления, свидетельствующие о существовании регрессивных тенденций в его развитии. Это — 1) политическая нестабильность, (ослабление центральной власти, междоусобные войны, восстания и пр.), 2) увеличение мобильности традиционно оседлых популяций (т. н. «этнические передвижения» или миграции), 3) упадок городской цивилизации в ряде регионов (материковая Греция, центральная Анатолия, Левант и др.), 4) перемещение населения позднебронзовых центров на новые места.

В специальной литературе еще до недавнего времени возникновение упомянутых выше регрессивных явлений преимущественно связывалось с широкомасштабными миграциями, начавшимися из периферийных областей древневосточной ойкумены и направленными в цен-

тры позднебронзовых государств Малой Азии, материковой Греции и Леванта¹. Однако миграционная теория с ее различными вариантами в 1980—90-х годах претерпела серьезную трансформацию благодаря целому ряду новых эпиграфических и археологических открытий, заставивших по-новому трактовать известные ранее материалы.

Так, теперь уже многие ученые отдают предпочтение внутренним факторам процесса деградации позднебронзовых цивилизаций². В этом отношении характерен пример Хеттской империи. Сформулированная за последние годы дезинтеграционная теория делает ставку на фактор политической нестабильности, наблюдавшейся в Империи уже с середины XIII в. до н. э.³

Рассмотрим проблему этнических передвижений и депопуляций, которые имели место практически везде в период ближневосточного кризиса. Анализ будет вестись от следующих отправных пунктов — 1) степень воздействия миграций на жизнедеятельность городских центров, 2) выявление соотношения между миграциями извне и депопуляцией значительных областей территорий бывших государств Ближнего Востока и материковой Греции.

Среди миграций исследуемой эпохи, повлиявших на историческое развитие Ближнего Востока и Эгеиды, следует отметить «народы моря», северобалканские племена, население различных районов Малой Азии, арамейцев и др.

В настоящее время ученые отдают предпочтение теории о преимущественно эгейско-малоазийской принадлежности «народов моря»⁴. В пользу их микенского ареала свидетельствует, помимо неоспоримого факта появления в различных пунктах Кипра, Киликии и левантинского побережья керамики типа «позднееладский IIIc» в период передви-

¹ R. D. Barnett, *The Sea Peoples*. (Cambridge Ancient History (далее—CAH) II, ch. XXVIII, 1967, p. 3ff.); V. R. D. A. Desborough, *The End of Mycenaean Civilization and the Dark Age: the Archaeological Background*. (CAH 11/2, p. 659ff).

² См. J. D. Hawkins, *Kuzi-Tesub and the «Great Kings» of Karkamis (Anatolian Studies, 38, 99ff.)*; его же, *The End of the Bronze Age in Anatolia: new light from Recent Discoveries*. (The Proceedings of the Third Iron Ages Colloquium held at Van, 6—12 August 1990 (A. Cilingiroglu and D. H. French), London, 1994 (далее—Anatolian Iron Ages, 3), p. 91ff.); M. Liverani, *The Collapse of the Near Eastern Regional System at the End of the Bronze Age: the Case of Syria*. (Center and Periphery in the Ancient World (eds. M. Rowlands, M. Larsen and K. Kristiansen), Cambridge, 1987, p. 66ff.); H. A. Hoffner, *The Last Days of Khattusha*. (The Crisis Years: the 12th Century B. C. From Beyond the Danube to the Tigris (eds. W. A. Ward and S. Joukowsky), Dubuque, 1992 (далее—Crisis), p. 46ff.); H. G. Guterbock, *Survival of the Hittite Dynasty*. (Crisis, p. 53ff.); J. D. Muhly, *The Crisis Years in the Mediterranean World: Transition or Cultural Disintegration?*. (Crisis, p. 10ff.); Ա. Վ. Քոսյան, *Կրկին էթնիկական տեղաշարժերի մասին (Պատմա-քանաքերական հանդես, (այսուհետև ՊՔՀ), 1994, էջ 247—248), նույնի՝ «Արևելյան» և «արևմտյան» մուշկերի խնդիրը, (ՊՔՀ, 1996/1—2, էջ 210—214)*։

³ I. Singer, *Dating the End of the Hittite Empire* (Hethitica, 1987, 8, p. 413ff.); J. D. Hawkins, *Anatolian Studies* 38, p. 99ff.; его же, *Anatolian Iron Ages*, 3, 1994, p. 91ff.; H. A. Hoffner (Crisis, p. 46ff.); H. G. Guterbock, (Crisis, p. 53ff.); J. Yakar, *Anatolian Civilization Following the Disintegration of the Hittite Empire: an Archaeological Appraisal* (Tel Aviv, 1993, 20, p. 3ff.) и другие.

⁴ См. W. F. Albright, *Syria, the Philistines, and Phoenicia*. (CAH II, ch. XXXIII, 1966, p. 24ff.); R. D. Barnett, *Phrygia and the Peoples of Anatolia in the Iron Age*. (CAH II, ch. XXX, 1969, 3ff.); J. Mellaart, *Troy VIIA in Anatolian Perspective, (The Trojan War. Its Historicity and Context, Papers of the First Greenbank Colloquium, Liverpool, 1981 (eds. L. Foxhall and J. K. Davies), Bristol, 1984, p. 71ff.)* и другие.

жепий «народов моря», также широкомасштабная депопуляция пелопоннесских поселений в конце XIII — в первой половине XII в. до н. э. Каково было воздействие миграций «народов моря» на развитие как исходных, так и конечных пунктов переселения?

Миграции значительных масс населения южной части материковой Греции в период упадка микенской цивилизации характеризуются как продолжительный процесс, в ходе которого отчетливо наблюдаются следующие явления — разрушения, депопуляция, постепенное отмирание жизнедеятельности городских центров. Масштабы депопуляции особенно широки на юго-западе Пелопоннеса (Мессения), в Лаконике, Арголиде и Беотии. Приведем статистические данные⁵. Во второй и третьей графах указано количество обследованных поселений.

Район	XIII в.	XII в.
Юго-запад Пелопоннеса, особенно Мессения	150	14
Лаконика	30	7
Арголлида и Коринфия	44	14
Аттика	24	12
Беотия	27	3
Фокида и Локрида	19	5

Отток населения из районов депопуляции направлен как в различные области микенского мира, так и за его пределы. Это — Ахайя, Атика, острова Кефалления, Эвбея, Крит и другие острова Эгейского моря, Киликия, Кипр, левантинское побережье⁶.

Продолжительность этого процесса подразумевает соответствующий механизм прибытия мигрантов в указанные районы. То есть, если группа мигрантов прибывает в определенный район с целью поселения, то в данном случае целесообразнее говорить не о нашествии, а скорее всего об инфильтрации в местную среду. Примеров для подобного толкования переселений жителей микенского мира предостаточно как в самой Греции, так и на Ближнем Востоке.

Так, в греческой исторической традиции сохранилось предание о прибытии полисцев в Атику («нелеиды»), где они основали свои поселения на восточном побережье полуострова⁷. Имеются также более поздние данные о заселении Элевсида выходцами из Пилоса⁸.

Археологическое исследование слоев XII в. до н. э. палестинских поселений представляет следующую картину.

В ряде прибрежных поселений (например, *Тель Абу Хаввам Vc*, *Тель Кейсан 13*, *Ашдод XIV*, *Тель Зерор XII*, *Ашкелон V* и, вероятно, *Дор* и *Иеришех*) имеются следы разрушений, однако продолжение

⁵ V. R. D. A. Desborough, *The Greek 'Dark Ages*, New York, 1972, p. 19ff.

⁶ V. R. D. A. Desborough, *The Last Mycenaean and their Successors. An Archaeological Survey ca. 1200—1000 B. C.*, Oxford, 1964, p. 222ff.

⁷ Ch. Sourvinou-Inwood, *Movements of Populations in Attica at the End of the Mycenaean Period. (Bronze Age Migrations in the Aegean. Archaeological and Linguistic Problems in Greek Prehistory. Proceedings of the First International Colloquium on Aegean Prehistory, Sheffield, Organized by the British Association for Mycenaean Studies and the Departments of Greek and Ancient History of the University of Sheffield (eds. R. A. Crossland and A. Birchall). Park Ridge: Sheffield, 1973, p. 215ff.)*.

⁸ Там же, 216ff.

жизнедеятельности местной культуры и появление керамики «поздне-элладский IIIc1b» предполагает приток пришлого населения. Во многих поселениях, находящихся вдали от прибрежной полосы (например, *Алек 12*, *Телль Батташ IV*, *Бет Шемеш IVA*, *Аффулех IV*, *Телль Сиппор III* и др.), зафиксированы лишь частичные разрушения, и здесь привозная керамика появляется только с середины XII в. до н. э.; эти поселения также не прекращают существование⁹.

Тезис о мирной или частично насильственной инфильтрации мигрантов в местную среду не исключает случаев преимущественно насильственного внедрения. Это—*Саламис* и *Китион* на Кипре¹⁰, *Тарсус* в Киликии¹¹, *Троя VIIb1* и *в2*, возможно, *Угарит*¹² и ряд других поселений к югу от последнего¹³.

Какой из этих двух способов переселений следует считать наиболее характерным для исследуемого периода? Ответ на данный вопрос в значительной степени зависит от выяснения обстоятельств другого явления—депопуляции.

В тех случаях, когда налицо полное запустение поселения в течение продолжительного времени, без следов пришедшей культуры, нецелесообразно постулировать тезисом о вражеском нападении. Тем более, если такие покинутые поселения охватывают значительные территории, как это налицо в случае материковой Греции. Нельзя не согласиться с мнением о том, что не всякое разрушение или наличие пепла в заключительных слоях городищ есть свидетельство насильственного прекращения жизнедеятельности поселения¹⁴. Например, долгое время считалось, что поселение Мидея в Арголиде прекратило свое существование в результате вражеского нападения, после длительной осады¹⁵; теперь же это мнение уступило место фактору природного катаклизма¹⁶. Есть определенные основания для предположения о том, что Хаттусас¹⁷, Гордион¹⁸, Угарит¹⁹ и ряд других поселений прекратили свое существование не в результате вражеского нападения.

Для феномена депопуляции важно отсутствие каких-либо материальных следов завоевания как в Пелопоннесе, так и в центральной Малой Азии. Зачем было разрушать сильно укрепленные города и истреблять их население (или же заставить их бежать), чтобы потом отправиться дальше, не заселив пригодные для жилья места. Такое пове-

⁹ W. Dever, *The Late Bronze—Early Iron I Horizon in Syria-Palestine: Egyptians, Canaanites, 'Sea-Peoples', Proto-Israelites.* (Crisis, p. 101).

¹⁰ H. Catling, *Cyprus in the Late Bronze Age.* (САН II/2. 1975, p. 209ff.); N. K. Sandars, *The Sea Peoples*, London, 1978, p. 184.

¹¹ R. D. Barnett, (САН II, ch. XXX, 1969, p. 13).

¹² M. Yon, *The End of the Kingdom of Ugarit* (Crisis, p. 117f.).

¹³ W. Dever, (Crisis, p. 103).

¹⁴ P. Aström, *Continuity, Discontinuity, Catastrophe, Nucleation: Some Remarks on Terminology* (In: Crisis, p. 27ff.).

¹⁵ P. Aström, *The Destruction of Midea.* (Atti e memorie del 10 congresso internazionale di micenologia, Roma 27 settembre—3 ottobre 1967, Roma, 1967, v. 1, p. 15ff.).

¹⁶ P. Aström, (Crisis, p. 27ff.).

¹⁷ См. сноску 33.

¹⁸ Об этом можно судить по тому факту, что первый послехеттский слой (Яссыхеюк 7В) не имеет ничего общего с последним хеттским слоем (Яссыхеюк 8) (R. C. Henrickson, *Continuity and Discontinuity in the Ceramic Tradition of Gordion During the Iron Age.* (Anatolian Iron Ages. 3, p. 109f.). Это может указать на то, что население города добровольно покинуло город.

¹⁹ C. F. A. Schaeffer, (Ugaritica V, Paris, 1968, p. 761ff).

денне скорее характерно для неразвитых кочевников—скотоводов, занимавшихся грабежом.

Означает ли сказанное, что не вражеская угроза заставляла население позднебронзовых городов мигрировать. Как могло случиться, что в различных районах Малой Азии, материковой Греции, на Кипре, на острове Родос, в верхнеевфратской долине и в Северной Месопотамии, в одни и тот же промежуток времени (конец XIII—первая половина XII в. до н. э.), городские центры быстро пришли в упадок, население полностью или частично покинуло их, и в начале следующего периода (эпоха Раннего Железа) указанные города или вовсе прекратили существование, или же здесь археологически зафиксированы небольшие по занимаемой площади примитивные поселения сельского типа.

Очевидно, мы имеем дело не с разрушением городов, а с добровольным переселением их населения, т. е. имел место упадок городской цивилизации в силу ряда внутренних факторов. В числе последних в первую очередь следует назвать политическую нестабильность, которая налицо в Хеттской империи и в микенском ареале во второй половине XIII в. до н. э. Постепенное сокращение авторитета центральной власти со временем могло привести к разрыву политико-административных связей между метрополией и периферией, которое, в свою очередь, должно было отразиться на экономических устоях общества. Для подтверждения вероятности подобного стечения обстоятельств приведем краткое описание ситуации в Хеттской империи при Суппилулиумасе II. Это — восстания на юге и западе Малой Азии²⁰, трудности с продовольствием, что заставляло импортировать зерно из Египта²¹, передвижения «народов моря» по прибрежной полосе восточного Средиземноморья, которые негативно отразились на жизнедеятельности крупных земледельческих и ремесленно-торговых центров. Для развала политического и социально-экономического механизма вряд ли был необходим толчок извне. В этих условиях население тех районов, экономика которых базировалась не только на собственных ресурсах, было вынуждено искать новые способы жизнеобеспечения. Таковыми могли быть либо переселение в удобные для жизни данной популяции места (т. е. другие городские центры), либо смена занятий в сторону полукочевого скотоводства.

Кто же были носители миграций периода кризиса XII в. до н. э., варварские племена с периферии или же развитое оседлое население позднебронзовых государств?

Судя по материальным следам на Кипре, в Киликии и в сирийско-палестинской прибрежной полосе, мы имеем дело с цивилизованной популяцией, хорошо знакомой с земледелием и ремеслами. Если вопрос об исходном пункте филистимлян пока не решен²², то кипрско-килийские мигранты очевидно представляли собой микенское население²³. Что же касается центрально-малоазийского населения, то, где

²⁰ Об этом упоминается в иероглифической надписи царя Südburg (J. D. Hawkins, *The New Inscription from the Südburg of Bogazköy-Hattusa*, (Archäologische Anzeiger. 3. 1990, p. 305ff).

²¹ H. Klengel, «Hungerjahre» in Hatti, (Altorientalische Forschungen 1, 1974, S. 167ff).

²² W. F. Albright, (CAH II, ch. XXXIII, p. 24ff.); R. D. Barnett, (CAH II, ch. XXVIII, 1967, p. 15ff.).

²³ H. Catling, Cyprus in the Late Bronze Age. (CAH II/2, 1975, p. 207ff.).

бы оно не обосновалось²⁴, не приходится сомневаться в том, что оно также являлось высокоразвитой популяцией. То же самое можно утверждать о мигрантах верхнеевфратской Исувы²⁵.

Это о носителях миграций «цивилизованного круга». Несомненно, происходили также миграции из «варварской» периферии ближневосточного общества. Можно ли охарактеризовать эти переселения с точки зрения их воздействия на политическую и культурно-экономическую ситуацию определенных областей? Как отражались эти передвижения на жизнедеятельности государства?

Изучение различных ареалов Ближнего Востока и Эгепды выявляет лишь немногочисленные примеры негативного влияния пришлого, «варварского» элемента на развитие городских центров. Например, насильственное обоснование создателей т. н. *Coarse Ware* к концу слоя *Troy VIIa* (последняя четверть XIII в. до н. э.) и, поколением позже, создателей *Buckelkeramik* после разрушения *Troy VIIb1a*²⁶. Однако подобный способ переселения двух упомянутых потоков переселенцев с Северных Балкан, несомненно, затронул лишь небольшую географическую область; кроме самой Трои-Гиссарлыка, данная керамика (*Coarse Ware* и *Buckelkeramik*) известна лишь с северного прибрежного района Мраморного моря и далее к северу²⁷. Правда, в первом послехеттском слое Гордиона (*Яссыхеюк 7B*—период Раннего Железа) и в новооткрытом городище Каман-Калехеюк (у юго-западного течения Галиса-Кызылырмака) обнаруженная примитивная керамика имеет некоторые схожие черты с троянскими *Coarse Ware* и *Buckelkeramik*²⁸, однако пока еще рано говорить об общности исходного пункта для обоих керамических комплексов.

О непричастности северобалканских племен к разрушениям и депопуляции в микенских центрах говорилось выше. Что же касается вопроса о появлении арамейских племен в Северной Месопотамии и в Северной Сирии, то, согласно мнению большинства ученых²⁹, они могли попросту заполнить демографический и политический вакуум, образовавшийся в период дезинтеграции Хеттской империи и политического кризиса в Ассирии.

Другой пример инфильтрации периферийного населения (а не нашествия) налицо в Исуве. Здесь также наблюдается феномен депопуляции населения городских центров и появления более отсталого нового населения³⁰.

²⁴ Предполагается перемещение хетто-лувийцев в южную Малую Азию и в Северную Сирию (J. D. Hawkins, *Hittite* (1st millennium). (RIA III, Lief. 2/3, 1973, p. 152).

²⁵ Об этом см.: У. Ч. Фнушб, *История (Восток) д.р.ш. XIII—XII вв. ОИР 1997/1—2, 177—179.*

²⁶ C. W. Blegen, *Troy VII*. (САН II/2, 1975, p. 161ff.).

²⁷ M. Özdoğan, *Taslicabayır. A Late Bronze Age Burial Mound in Eastern Thrace* (Anatolica 14, 1987, p. 5ff.).

²⁸ R. C. Henrickson, *Anatolian Iron Ages*, 3, p. 108).

²⁹ J. M. Munn-Rankin, *Assyrian Military Power 1300—1200 B. C.* (САН II, ch. XXV, 1987, p. 9f.); Г. М. Аветисян, Ранние сведения о распространении арамейских племен по Северной Месопотамии и Армянскому нагорью (ОИР, 1984/3, с. 100), Н. Sader, *The 12th Century B. C. in Syria: the Problem of the Rise of the Aramaeans. (Crisis*, p. 157ff.).

³⁰ V. Sevin, *The Early Iron Age in the Elazığ Region and the Problem of Mushkians* (Anatolian Studies' 41, 1991, p. 87ff.); J. Yakar, *Tel Aviv* 20, 1993, p. 18ff.; K. Barth, *Die Frühe Eisenzeit in Ostanatolien und ihre Verbindungen zu den benachbarten Regionen* (Baghdader Mitteilungen 25, 1994, S. 473ff.); У. Ч. Фнушб, указ. соч., с. 186—190.

Приведенные примеры показывают, что к миграциям конца эпохи поздней бронзы следует относиться с большой осторожностью. Эта проблема требует, во-первых, отдельного изучения каждого конкретного случая. Во-вторых, необходимо выяснить политическое, экономическое и экологическое состояние исходных и конечных точек переселений. Ведь переселения значительных масс оседлого населения, которое приводит к депопуляции обширных ареалов, крайне редко могут иметь место только лишь из-за вражды с соседями. Силой, заставляющей сняться с насиженных мест крупные популяции (как цивилизованные, так и «варварские»), могли быть 1) продолжительное ухудшение климатических условий), 2) экологическая катастрофа, 3) демографический взрыв и т. д. В данной связи нелишне обратить внимание на одну характерную особенность миграций XII в. до н. э. Это — направление переселенческих потоков.

Так, отчетливо проглядывается переселение из земледельческих областей в районы, имеющие хорошие земледельческие традиции и обеспеченные водными ресурсами (Равнинная Киликия, Палестина, Дельта Нила, Месопотамия).

Вероятно, климатическим-экологическим фактором следует объяснить зафиксированное археологически следующее явление: незадолго перед депопуляцией некоторые города становятся крупнее, увеличиваются хранилища для заготовки продовольствия (Микены, Тиринф, Пилос, Ялосос, Хаттусас, *Троя VIIIb 1* и др.)⁸¹.

Не вражеская угроза могла заставить земледельческо-ремесленное население устремиться в города. Скорее всего развал политического и экономического базиса государств отразился в первую очередь на сельскохозяйственной части населения, т. е. налицо ситуация, усугубленная ухудшением климатических условий⁸². Крупные города на какое-то время еще могли располагать определенными материальными ресурсами для содержания окрестного населения. Последовавший чуть позже упадок этих самых городов, вероятно, является следующим этапом кризиса — 1) добровольный уход части или всего населения (мирная депопуляция), 2) уход части или всего населения в результате восстания или беспорядков из-за ухудшения социально-экономических условий⁸³.

В заключение следует отметить, что вышеизложенная трактовка данной проблемы нуждается в более многочисленном фактическом материале со всех регионов Ближнего Востока и Эгеиды.

⁸¹ N. K. Sandars, *The Sea Peoples*, p. 61ff. Сюда же можно отнести прирост населения Ялососа (Подос) за счет сельскохозяйственных районов на юге острова (C. F. Macdonald, *Rhodes During the Twelfth Century B. C. and its Role in the Aegean*. (*Problems in Greek Prehistory*, Bristol, 1986, p. 263), а также Китнона (Кипр) за счет окружающих город мелких поселений (P. Aström, *Crisis*, p. 28).

⁸² О климатических изменениях в период кризиса XII в. до н. э. см.: B. Weiss, *The Decline of Late Bronze Age Civilization as a Possible Response to Climatic Change*, (*Climatic Change* 4, 1982, p. 173ff.); J. Neumann and S. Parpola, *Climatic Change and the Eleventh-Tenth Century Eclipse in Assyria and Babylonia* (*Journal of Near Eastern Studies* 46, 1987, p. 161ff.) и другие.

⁸³ Например, известна точка зрения ведущего специалиста в области малоазийской археологии К. Биттеля (K. Bittel, *Das Ende des Hethiterreiches*, (*Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt* 1976.—Frankfurt (1977), S. 36ff.) о том, что Хаттусас был разрушен и сожжен в результате восстания собственного населения, которое затем покинуло город. Он же считает, что другой важный хеттский город Аринна (вблизи Хаттусаса) также был оставлен населенным.

**Մ. Թ. Ա. XII ԴԱՐԻ ԺԳՆԱԺԱՄԸ.
ԷԹՆԻԿԱԿԱՆ ՏԵՂԱՇԱՐԺԵՐ ԵՎ ԱՊԱԲՆԱԿԵՑՈՒՄ**

Ա. Վ. ՔՈՍՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Մ. Թ. ա. XII—XI գդ. Առաջավոր Ասիայի և էգեյան ծովի ավազանի քաղաքակրթությունների պատմության մեջ հայտնի են որպես համատարած անկման փուլ, որի պատճառով ստացել են «մ. Թ. ա. XII գ. ճգնաժամ անվանումը»: Ճգնաժամի ընթացքում քաղաքակրթությունների կենսագործունեությունը ակնհայտորեն ընթացել է վայրընթաց ուղիով, որը հանգեցրել է գոյություն ունեցող քաղաքական, սոցիալ-տնտեսական և մշակութային համալիրների լրիվ կամ մասնակի քայքայմանը:

Ճգնաժամի արտահայտման առավել ընդլայնված բրնձայիններից մեկը՝ ապարնակեցումն է: Առաջավորասիական-էգեյան տարածաշրջանի երկրների վերաբերյալ առկա սկզբնաղբյուրների և ուսումնասիրությունների լույսի ներքո կարելի է առաջարկել քաղաքակրթության կենտրոնների ապարնակեցման նոր մոգել: Ըստ դրա, բնակչության՝ տասնամյակներ տևած արտագաղթը հիմնականում պայմանավորված է եղել ոչ թե արտաքին վտանգով (հարևան բարբարոսական ցեղերի արշավանքներ), ինչպես ընդունված էր նախկինում, այլ պետությունների քաղաքական և սոցիալ-տնտեսական կառույցների քայքայումով: